

Максим Горький

Репетиция

Это забавное столкновение разыгралось на репетиции четвёртого акта известной пьесы «Дорога избранных».

Началось с того, что режиссёр, утомлённый безуспешностью героических попыток своих приблизить артистов к тайному смыслу пьесы, сказал, не скрывая досаду:

— Отдохнём, господа, минут пять.

Вынув часы, глядя близорукими глазами на циферблат, он подошёл к рампе и вызывающе взмахнул головою пред пустым мешком зрительного зала; в чёрной глубине мешка одиноко замер жалкий, красноватый огонёк, едва освещающая верхнюю часть какой-то двери. Можно было думать, что там, за дверью, тьма ещё более густа и уже безгранична.

Режиссёр пользовался репутацией новатора и, рассматривая артистов как музыкальные инструменты, которые он должен настроить, — презирал их. Он был одет в бархатную блузу, и от него исходил странный запах — как будто человек этот только что позавтракал очень душистым мылом. Маленький, узкогрудый, на тонких ножках с вывернутыми коленками, с большой головою в

чалме волнистых волос, он искусно сделал свое синее, бритое, длинноносое лицо страдальческим, навеки брезгливым лицом человека, который осуждён украшать собою мир людей глупых и бездарных. Крепко поджимая толстенькие, очень красные губы, прищунив глаза — их зрачки напоминали цветом спелую сливу, — он смотрел на всё и ни на всех безнадёжно и, казалось, молча упрекал:

«Это — не так».

Один из врагов его, рецензент, утверждал, что, говоря о «Скупом рыцаре», режиссёр «обмолвился»:

— Я не отрицаю, Андрей Степанович Пушкин даровитый человек.

Из глубины сцены режиссёр был похож на гнома, который молча вызывает в помощь себе духов тьмы.

В сероватом сумраке слабо освещённой сцены — четверо артистов: героиня, женщина, не удовлетворённая жизнью и обязанная страдать; комик, её муж, человек «здорового смысла» и, разумеется, пошлый; субретка¹, девушка, которой предстояло создать новую драму в жизни, и герой,

---

¹ франц. — горничная, бойкая, проворная, хитрая плутовка, в комедиях — Ред.

искатель «новых путей». Кругом их торчали в хаотическом беспорядке обломки скал и какие-то странные предметы, обесформленные сумраком, между скал помещался круглый пол, на нём сидел герой пьесы и, посвистывая, чертил карандашом в тетрадке своей роли.

Сцена тоже имела что-то общее с раздутым мешком. Пыльный воздух её был пропитан запахом клея, краски и какой-то особенной, сухой гнили; возможно, что это запах разложения бесчисленных женщин и мужчин, убитых авторами для развлечения зрителей. А из безмолвной тьмы зала притекал смешанный аромат духов, пыли, человеческого пота, ваксы и кожи ботинок.

За спиною режиссёра лениво ползали гулкие слова; его слуху был особенно неприятен «бытовой», терпкий голос комика.

— Н-да, сочинил...

Сидя на обломке одной из тех скал, каких не создаёт природа, комик свёртывал папиросу, аккуратно разложив на коленях у себя табачницу, бумагу и мундштук.

— Тебе не нравится пьеса? — спросила героиня, рассматривая губы в круглое, ручное зеркало и покусывая их.

— Мне, Анюта, нравится только рыбу удить, как ты знаешь. А пьеса — что же пьеса? Слова в ней немножко другие, скажем — детские слова, так

дети лепечут. Пожалуй, они милее, жалобней прежних, сочных русских слов. А всё остальное — старинка, времён Адама и Евы: ты, Анюта, должна любить и страдать, я, по обязанности мужа, должен добывать тебе вино с хлебом и всё, потребное для прикрытия наготы, Гронский, змей-соблазнитель, принуждён будить душу твою к «новой жизни», увлекать тебя на «Дорогу избранных» — из этого репертуарчика не выскочишь! Мы в нём — как мышки в мышеловке; придёт смерть и бросит нас в свою бездонную яму. Вон — Лидочка ходит, волнуется, ждёт своего часа начать ещё одну, такую же пьеску...

— Меня прошу оставить в покое...

— Дитя моё, — оставил бы, но это не в моей власти, — балагурил комик.

Лидочка была очень миленькая; никто из мужчин не мешал ей считать себя красавицей, и она делала всё, что могла, стараясь убедить их в совершенстве своей красоты. Прожив на земле только двадцать лет, она находила жизнь удобной, приятной и, конечно, не могла смотреть на себя как на материал для создания новой драмы. Это обидело бы её. Роль казалась ей очень простой: нужно полюбить героя. Она чувствовала, что сумеет и готова сделать это. Равнодушие старших товарищей к «Дороге избранных» раздражало её: к

чему все эти их капризы, когда необходимо только одно — играть так, чтобы публика восхищалась.

— Ты, Иван, всё философствуешь, — неодобрительно заметила героиня, припудривая нос. Давно, когда-то, влюблённый рецензент назвал её лицо «античным, мраморным», это понравилось ей, и она заботливо следила, чтоб её синенький носик был так же холодно бел, как её бледное, плоское лицо, выгодно освещённое тёмными «роковыми» глазами. Она сама находила, что глаза эти несколько излишне злы, и в патетические минуты закрывала их, тогда лицо её становилось поистине каменным. О её голосе известный критик Мерцалов сказал миру:

— В роли Медеи голос Ростовцевой звучит медовым звоном меди.

В жизни она говорила чуть-чуть гнусаво и всегда томно, — ей казалось, что носовой звук, так же как крепкие духи, особенно успешно возбуждает некоторые эмоции поклонников её таланта.

— Да, философствую, — покорно сознался комик и, закурив папиросу, дымно вздохнул.

Он действительно любил ловить рыбу; это занятие лучше всякого иного позволяет человеку забывать, кто он, где он, и не думать, зачем он. Известно, что истинное счастье человека в науке и труде: и та и другой мешают думать. Комик, незаметно для себя, прожил полстолетия и так же

незаметно приобрёл привычку задумываться о самых простых вещах, привычку, неприятно осложнённую стремлением говорить со всеми о своей почти болезненной мании открыть некий, необходимый кому-то, смысл явлений и вещей.

— Да, философствую, — повторил он. — Что ж делать? Знаешь, Анюта, с некоторого времени зрительный зал, в часы спектакля, кажется мне банкой икры, в середине икру уже кто-то съел, и осталось только по краям да на доньшке. Автор придёт?

Режиссёр, вполоборота, ответил с точностью учебника грамматики:

— Автор обещал посетить нас в половине второго.

— Чёрт бы его взял, автора! — неожиданно, точно взорвался, и чётко, как строку стиха, произнёс герой; соскочил со стола и, грозя во тьму золотым карандашом, добавил совершенно серьёзно и убеждённо:

— Будь я законописателем, то есть — имей я власть, я бы издал закон: литераторы, распространяющие заразу уныния, подлежат пострижению в монахи, причём им запрещается писать не только драмы и романы, но даже и письма до поры, пока они не преодолеют оное своё уныние... Вот! Ты, Ваня, прав: пьеса эта — чепуха! Автор — надоел мне своей напыщенностью и...

вообще надоел! Креаторов? Тут есть что-то семинарское и тупое. Его настоящая фамилия — Подорожников...

— Пирожников, — строго поправила героиня.

— Пардон! Это ещё пошлее. Говорят, что он невыносимо высокомерен, обжора, распутник и при этом — скуп, как нищий; о его жадности к деньгам рассказывают удивительные анекдоты...

Героиня, нахмурясь, сделала ручкой, обильно украшенной кольцами, предостерегающий жест, зная, что всё, сказанное об авторе, несколько преувеличено. Но некоторые причины внушили ей, что будет тактичнее, если она промолчит, предоставив герою свободу раскрашивать автора красками всех пороков, что герой и делал со вкусом, с любовью.

Бесшумно шагая у левой кулисы, Лидочка усмехалась; ей был известен неудачный роман автора и героини, и она видела эпилог романа: малокровного мальчика, болезненно застенчивого и рассеянного, он ходил по земле, балансируя, точно акробат на канате.

— Креаторов! — шумел герой, иронически прищурился и указывая правой рукою на колосники. — Ты слышишь, Иван, какова тут претензия?

Комик поощрительно засмеялся наигранным, «купеческим» смехом, а герой, щеголяя баритональными нотами, продолжал:

— Если ты — Креаторов, так ты создай для меня роль счастливого человека, да, да., — вот именно!

Режиссёр спросил в холодном тоне экзаменатора:

— Что вы называете счастьем?

— Чёрт возьми — это ясно! Это даже воробьи знают!..

Герой был бы плохим героем, не обладая честолюбием, и он обладал им в количестве, которое находил совершенно соразмерным объёму своего таланта, — товарищи его считали, что он значительно преувеличивает свой талант. Режиссёр же казался ему неумным и вредным человеком, который существует только для того, чтоб всячески стеснять вдохновение артиста. Шагнув к нему, он протянул руку так, как будто держал в ней шпагу, и начал декламировать:

— Мне опротивело играть всегда одну и ту же роль — роль страдающего человека! Гамлет или Сирано де Бержерак, Моор или «Живой труп», — я всегда страдаю...

— Займитесь торговлей галстухами, — предложил режиссёр, гордо взмахнув головой.

— Пардон, — вы шутите, как приказчик. Я говорю серьёзно: меня, артиста и человека, унижает однообразие игры. Ежедневно страдать за семьсот пятьдесят рублей в месяц...

— А каково мне всегда изображать дураков? — спросил комик и, ударом ладони выбив из мундштука снопик искр, скорчил одну из наиболее забавных гримас, которые создали ему популярность. — Меня выпускают на сцену для того, чтоб утешать зрителей: есть человек глупее вас, не беспокойтесь! А глупость никого и не беспокоит, кроме моего друга Лукина, учителя географии, да и он беспокоится по обязанностям службы, а вовсе не потому, что считает глупость вредной...

«Бытовая» болтовня комика заставила режиссёра пренебрежительно пожать плечами. Герой — негодовал:

— «Дорога избранных»! И вот мы, талантливые люди, топчемся, для развлечения публики, на этой дороге, а бездельники, любуясь, как мы безжалостно мучаем друг друга, лакомо ждут последнего стога истерзанных сердец...

— Цирк! — вставил комик. — Верно, Миша, мы для публики — акробаты. Публика — икра... Снять бы эту пьеску со сцены...

— Может быть, уже пора продолжать репетицию? — напомнила Лидочка, но никто не ответил ей.

— Я спрашиваю Лукина: «Антон, ты веришь в разум?» — «Конечно, говорит, верю, это моя профессия». И — врёт: зачем географу верить в разум?

«Скучные, — раздражённо думала Лидочка. — Усталые, скучные люди...»

Она была умненькая и знала, что сцена — это место, где притворяются и где наибольший успех ожидает того, кто умеет притворяться правдивее других; сцена — место, где ходят на чужих ногах и говорят чужими словами. В жизни тоже необходимо уметь притворяться, чтоб достичь успеха, и это не трудно: нужно только научиться брать больше, чем даёшь. Ей вспомнилась забавная фраза рыжего студента филолога, влюблённого в неё:

«Существует закон исключённого третьего: или вы — человек, или не человек, ничем третьим вы не можете быть...»

«Дурачок! — хотелось ответить ей. — Для тебя я не человек, а женщина, для людей я — женщина и артистка, и только для себя самой я — человек, но я знаю, что это никому — и тебе — не нужно, не интересно. Я именно то третье и